

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

DOI: 10.21128/1812-7126-2017-3-148-164

МАРТ • 2017

Постановление от 10 марта 2017 года № 6-П по делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201703150006; дата опубликования: 15.03.2017)

Правовые категории в Постановлении: компенсация причинённого ущерба; ОСАГО; размер страхового возмещения; ремонт транспортного средства.

Заявители: граждане А. С. Аринушенко, Г. С. Береснева, В. А. Реутов и О. Н. Серeda (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК РФ постольку, поскольку на основании этих положений в их взаимосвязи разрешается вопрос о возможности возмещения потерпевшему — владельцу транспортного средства вреда, причинённого ему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в размере, превышающем размер страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему страховой компанией.

Позиция заявителей: оспариваемые законоположения, допуская в силу присущей им неопределённости возможность возмещения лицом, виновным в совершении дорожно-транспортного происшествия, причинённого им имущественного вреда, исчисленного на основании Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении повреждённого транспорт-

ного средства с учётом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, ограничивают тем самым право собственника транспортного средства требовать полного возмещения вреда с его непосредственного причинителя.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемые законоположения не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» они предполагают — исходя из принципа полного возмещения вреда — возможность возмещения потерпевшему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вреда, причинённого при эксплуатации транспортного средства, в размере, который превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности.

Правоприменительные решения по делам заявителей, основанные на положениях статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072

и пункта 1 статьи 1079 ГК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ, подлежат пересмотру в установленном законом порядке.

Мотивы решения. Предусматривая максимальный размер страховой выплаты, на которую вправе рассчитывать потерпевший в случае причинения ему вреда, расчёт размера подлежащих возмещению страховщиком убытков в случае повреждения имущества с учётом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте транспортного средства, порядок определения размера расходов на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта, и проведения независимой технической и судебной экспертиз транспортного средства с использованием единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении повреждённого транспортного средства, федеральный законодатель — с учётом специфики соответствующих отношений и исходя из принципов эффективности, целесообразности и экономической обоснованности — обозначил пределы, в которых путём осуществления страховщиком страховой выплаты потерпевшему гарантируется возмещение вреда, причинённого его жизни, здоровью или имуществу.

Введение Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» правила, в соответствии с которым страховщик при наступлении страхового случая обязуется возместить потерпевшему причинённый вред не в полном объёме, а лишь в пределах указанной в его статье 7 страховой суммы (в части возмещения вреда, причинённого жизни или здоровью каждого потерпевшего, — 500 тысяч руб., в части возмещения вреда, причинённого имуществу каждого потерпевшего, — 400 тысяч руб.) и с учётом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте, направлено на обеспечение баланса экономических интересов всех участвующих в страховом правоотношении лиц, на доступность цены договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, а также на предотвращение противоправных

внеюрисдикционных механизмов разрешения споров по возмещению вреда и не может рассматриваться как не отвечающее вытекающим из статей 17 (часть 3), 35 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ требованиям.

Законодательство об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств регулирует исключительно данную сферу правоотношений (что прямо следует из преамбулы Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а также из преамбулы Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении повреждённого транспортного средства, утверждённой Центральным банком РФ 19 сентября 2014 года) и обязательства вследствие причинения вреда не регулирует: в данном случае страховая выплата, направленная на возмещение причинённого вреда, осуществляется страховщиком на основании договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и в соответствии с его условиями.

Вместе с тем названный Федеральный закон, как специальный нормативный правовой акт, не исключает распространение на отношения между потерпевшим и лицом, причинившим вред, общих норм ГК РФ об обязательствах из причинения вреда. Следовательно, потерпевший при недостаточности страховой выплаты на покрытие причинённого ему фактического ущерба вправе рассчитывать на восполнение образовавшейся разницы за счёт лица, в результате противоправных действий которого образовался этот ущерб, путём предъявления к нему соответствующего требования. В противном случае — вопреки направленности правового регулирования деликтных обязательств — ограничивалось бы право граждан на возмещение вреда, причинённого им при использовании иными лицами транспортных средств.

При исчислении размера расходов, необходимых для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до повреждения, и подлежащих возмещению лицом, причинившим вред, должны приниматься во внимание реальные, то есть необходимые, экономически обоснованные, отвечающие требованиям завода-изготовителя,

учитывающие условия эксплуатации транспортного средства и достоверно подтвержденные расходы, в том числе расходы на новые комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты).

Оспариваемые законоположения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают возможность возмещения лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, потерпевшему, которому по указанному договору страховой организацией выплачено страховое возмещение в размере, исчисленном в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учётом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспорт-

ного средства, имущественного вреда исходя из принципа полного его возмещения, если потерпевшим представлены надлежащие доказательства того, что размер фактически понесённого им ущерба превышает сумму полученного страхового возмещения.

Иное приводило бы к нарушению гарантированных статьями 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 55 (часть 3) Конституции РФ прав потерпевших, имуществу которых был причинён вред при использовании иными лицами транспортных средств как источников повышенной опасности.

Вместе с тем лицо, к которому потерпевшим предъявлены требования о возмещении разницы между страховой выплатой и фактическим размером причинённого ущерба, не лишено права ходатайствовать о назначении соответствующей судебной экспертизы, о снижении размера подлежащего выплате возмещения и выдвигать иные возражения.

Постановление от 16 марта 2017 года № 7-П по делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201703210003; дата опубликования: 21.03.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; уголовное судопроизводство; наказание в виде лишения свободы; коллегия присяжных заседателей.

Заявитель: гражданин В.Д. Лабусов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ постольку, поскольку во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 данного Кодекса, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ они исключают возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесятипятилетнего возраста и обвиняемого в совершении преступления,

предусмотренного частью второй статьи 105 УК РФ.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения, как исключаящие возможность рассмотрения судом в составе судьи областного или равного ему по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесяти пяти лет и обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК РФ, нарушают права, гарантируемые статьями 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4) Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемые законоположения не соответствующими Конституции РФ, её статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования ими исключается возможность рассмотрения судом в составе

судьи верховного суда республики, краевого, областного или равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению достигшего шестидесятипятилетнего возраста мужчины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК РФ, притом что уголовное дело по обвинению мужчины в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет, а также женщины старше восемнадцати лет в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в этом составе.

Правоприменительные решения в отношении заявителя подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Определение федеральным законом подсудности уголовных дел, включая подлежащие рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, а равно изменение ранее установленной подсудности не могут расцениваться как ограничивающие доступ к правосудию и затрагивающие само существо права на законный суд. Вместе с тем федеральный законодатель не вправе, игнорируя требования статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции РФ, допускать произвольный и необоснованный отказ от этой формы судопроизводства при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена, в том числе по отношению к отдельным категориям обвиняемых.

Конституционный Суд РФ ранее указывал, что предусмотренные частью второй статьи 57 УК РФ ограничения в назначении пожизненного лишения свободы, связанные с неприменением этого наказания к женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста, не исключают их уголовную ответственность, а обеспечивают её индивидуализацию исходя из принципа гуманизма; данные ограничения не влияют на назначение другим категориям лиц, совершивших преступления, наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, не ущемляют тем самым их права и, следовательно, не являются дискриминационными (см.: *определения от 21 октяб-*

ря 2008 года № 638-О-О, от 23 июня 2009 года № 898-О-О, от 19 октября 2010 года № 1382-О-О, от 18 октября 2012 года № 1925-О, от 25 февраля 2013 года № 294-О, от 16 июля 2013 года № 1145-О, от 24 сентября 2013 года № 1428-О, от 20 февраля 2014 года № 376-О и от 29 сентября 2016 года № 1913-О).

В силу предписаний пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ в их системной связи с соответствующими положениями уголовного закона уголовное дело о преступлении, предусмотренном частью второй статьи 105 УК РФ и совершенном мужчиной, достигшим шестидесятипятилетнего возраста, как не относящееся к подсудности областного или равного ему по уровню суда, ни при каких условиях не может быть рассмотрено судом в составе судьи такого суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей, в то время как мужчина старше восемнадцати, но моложе шестидесяти пяти лет, а равно женщина в возрасте от восемнадцати лет и старше, в том числе достигшая шестидесятипятилетнего возраста, обвиняемые в совершении такого же преступления, при аналогичных условиях имеют право на рассмотрение их дела данным составом суда. Более того, уголовное дело в отношении мужчины, достигшего шестидесяти пяти лет и обвиняемого в убийстве при отягчающих обстоятельствах, подлежит рассмотрению районным судом, названные же категории подсудимых (мужчины в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет и женщины старше восемнадцати лет) в той же ситуации имеют право выбора между судом с участием присяжных заседателей, судом в составе судьи федерального суда общей юрисдикции либо коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции, причём их уголовные дела любым из этих составов рассматриваются в областном или равном ему по уровню суде.

Данное регулирование влечёт лишённую каких-либо конституционно-правовых оснований невозможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесятипятилетнего возраста и обвиняемого в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах, что приводит к его дискриминации как по возрастному, так и по гендер-

ному признаку при осуществлении им права на судебную защиту. Следовательно, подобная дифференциация подсудности уголовных дел, вытекающая из положений УПК РФ и УК РФ, не отвечает принципу юридического равенства, ограничивает мужчин, достигших возраста шестидесяти пяти лет, в реализации права на законный суд и, в конечном счёте, права на равную с иными лицами судебную защиту прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ.

Постановление от 17 марта 2017 года № 8-П по делу о проверке конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201703220026; дата опубликования: 22.03.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на публичные мероприятия; одиночный пикет; защита участника пикета; доставка в служебное помещение полиции.

Заявитель: гражданин В. И. Сергиенко (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в той части, в какой на его основании разрешается вопрос о возможности доставления сотрудниками полиции гражданина в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещении муниципального органа, в иное служебное помещение с целью защиты от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом при проведении им одиночного пикетирования.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение допускает прекращение законного одиночного пикетирования посредством доставления участника пикета в отделение полиции под предлогом защиты от угрозы его жизни и здоровью вместо защиты участника пикета в случае появления такой необходимости в месте проведения пикета.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемое законоположение в части его распространения на проводящего одиночное пи-

Акты международного права, использованные в Постановлении: постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 24 января 2017 года по делу «Хамтоху и Аксенчик против России»; постановление Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2004 года по делу «Яблонская (Jablonska) против Польши»; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 6).

кетирование гражданина не противоречащим Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — в силу предписаний Конституции РФ и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных в настоящем Постановлении, — оно подразумевает, что:

угроза жизни и здоровью такого гражданина в месте проведения пикета является реальной, а не предполагаемой, выражаясь в высоком риске причинения вреда его жизни и здоровью в результате его собственных действий, действий иных лиц или проявления природных, техногенных и других факторов;

у сотрудников полиции отсутствует объективная возможность иными законными действиями устранить данную угрозу или противостоять ей без прекращения пикетирования, притом что гражданин отказывается от перемещения его в другое (помимо служебного помещения территориального органа или подразделения полиции, муниципального органа, иного служебного помещения) безопасное место, либо препровождение гражданина в соответствующее служебное помещение является в имеющихся условиях единственным способом избежать причинения вреда его жизни и здоровью;

указанное доставление осуществляется в максимально короткий срок и после составления протокола о доставлении, если основания для применения к нему данной меры от-

пали, гражданин подлежит незамедлительно-му освобождению;

применение полицией данной меры к гражданам, проводящим одиночное пикетирование, при очевидном отсутствии названных оснований к её применению может рассцениваться как неправомерное ограничение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность и на проведение публичных мероприятий, влекущее установленную законом ответственность.

Правоприменительные решения, вынесенные по делу заявителя, основанные на пункте 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Для выполнения возложенных на неё обязанностей полиции предоставляется ряд прав, в числе которых закреплённое оспариваемым законоположением право доставлять граждан в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом.

Указанная деятельность полиции предполагает надлежащую защиту организаторов и участников мирных публичных мероприятий от возможных неправомерных действий любых лиц, пытающихся оказать на них давление, затруднить или сорвать соответствующее мероприятие.

Закреплённое оспариваемым законоположением право полиции доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом, с составлением протокола о доставлении в порядке, установленном частями 14 и 15 статьи 14 Федерального закона

«О полиции», представляет собой меру административного принуждения, направленную исключительно на защиту прав и законных интересов как доставляемых, так и иных лиц.

Следовательно, применение уполномоченными лицами этой меры к участникам мирных публичных мероприятий при очевидном отсутствии названных оснований не соответствует конституционно-правовому смыслу данного регулирования и, таким образом, может приводить к неправомерному ограничению конституционного права на проведение указанных мероприятий, влекущему установленную законом ответственность.

Предусмотренное оспариваемым законоположением доставление граждан сотрудниками полиции в соответствующее служебное помещение подразумевает, что угроза жизни и здоровью гражданина в месте его нахождения является реальной, а не предполагаемой, выражаясь в высоком риске причинения вреда его жизни и здоровью в результате его собственных действий, действий иных лиц или проявления природных, техногенных и других факторов. При этом сотруднику полиции должно быть очевидно, что названной угрозы невозможно избежать иным способом, кроме как посредством доставления гражданина в соответствующее служебное помещение, что подлежит отражению в протоколе доставления.

Так, при возникновении непосредственной угрозы жизни и здоровью гражданина, осуществляющего одиночное пикетирование, сотрудники полиции вправе прибегнуть к указанной мере его защиты только в случае, когда у них отсутствует объективная возможность иными законными действиями устранить данную угрозу или противостоять ей без прекращения пикетирования, притом что гражданин отказывается от перемещения его в другое (помимо служебного помещения территориального органа или подразделения полиции, помещения муниципального органа, иного служебного помещения) безопасное место, либо когда препровождение гражданина в соответствующее служебное помещение является в имеющихся условиях единственным способом избежать причинения вреда его жизни и здоровью.

В то же время в этом случае само по себе несогласие осуществляющего на законных

основаниях одиночное пикетирование гражданина с доставлением его сотрудниками полиции в соответствующее служебное помещение в целях защиты его жизни и здоровья не может рассматриваться как его неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, влекущее за собой ответственность, установленную статьёй 19.3 КоАП РФ, если для этого нет иных оснований.

Гражданин, не согласный с применением к нему сотрудниками полиции доставления в соответствующее служебное помещение и (или) полагающий, что этим ему причинён вред, вправе оспорить применение данной меры в судебном порядке. При этом в силу статьи 33 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции, независимо от замещаемой должности, несёт ответственность за свои действия (бездействие) и отдаваемые приказы и распоряжения; вред, причинённый гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника полиции при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Всеобщая декларация прав человека (пункт 1 статьи 20); Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 21); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (статьи 5 и 11); постановления Европейского Суда по правам человека от 25 мая 1993 года по делу «Коккинакис (Kokkinakis) против Греции», от 20 февраля 2003 года по делу «Джавит Ан (Djavit An) против Турции», от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России», от 31 марта 2005 года

по делу «Адали (Adali) против Турции», от 26 июля 2007 года по делу «Баранкевич против России», от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России», от 2 июля 2002 года по делу «Уилсон и Национальный союз журналистов (Wilson and the National Union of Journalists) и другие против Соединённого Королевства», от 20 октября 2005 года по делу «Политическая партия “Уранио Токсо” (Ouranio Toxo) и другие против Греции» и от 21 октября 2010 года по делу «Алексеев против России», от 7 октября 2008 года по делу «Ева Мольнар (Eva Molnar) против Венгрии», от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против Российской Федерации», от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против Российской Федерации», от 1 июля 1961 года по делу «Лоулесс (Lawless) против Ирландии» (№ 3), от 6 ноября 1980 года по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии», от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (Murray) против Соединённого Королевства», от 24 ноября 1994 года по делу «Кеммаш (Kemmaché) против Франции» (№ 3), от 25 июня 1996 года по делу «Амюур (Amuur) против Франции», от 25 сентября 2003 года по делу «Василева (Vasileva) против Дании», от 9 марта 2006 года по делу «Менешева против Российской Федерации», от 24 июня 2008 года по делу «Фока (Foka) против Турции», от 21 июня 2011 года по делу «Шимоволос против Российской Федерации», от 3 ноября 2011 года по делу «Александра Дмитриева против Российской Федерации», от 12 января 2010 года по делу «Гиллен и Кинтон (Gillan and Quinton) против Соединённого Королевства»; Руководящие принципы по свободе мирных собраний (пункт 5.3 раздела А, пункт 108 раздела В).

Постановление от 24 марта 2017 года № 9-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации.

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201703300020; дата опубликования: 30.03.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: налоговый орган; налогоплательщик; имуще-

ственный налоговый вычет; возврат неправомерно (ошибочно) предоставленного имущественного налогового вычета; срок исковой давности.

Заявители: граждане Е. Н. Беспутин, А. В. Кульбацкий, В. А. Чапланов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статей 32, 48, 69, 70 и 101 Налогового кодекса РФ, а также пункта 3 статьи 2 и статьи 1102 ГК РФ постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос о взыскании с налогоплательщика полученных в порядке имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц денежных средств, в случае если для его предоставления отсутствовали законные основания.

Позиция заявителей: оспариваемые законоположения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не исключают для налогового органа в случае выявления факта предоставления имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц при отсутствии на то законных оснований возможность предъявления в суд иска о взыскании сумм данного налога в качестве неосновательного обогащения без учёта установленного Налоговым кодексом РФ порядка взыскания налогов, в том числе без соблюдения досудебного порядка урегулирования налогового спора и за пределами установленных данным Кодексом сроков обращения в суд, что противоречит статьям 8, 18, 35, 46 (часть 1), 57 и 118 (части 1 и 2) Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: 1) Признать положения статей 32, 48, 69, 70 и 101 Налогового кодекса РФ, а также пункта 3 статьи 2 и статьи 1102 ГК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку они по своему конституционно-правовому смыслу при отсутствии в законодательстве о налогах и сборах специального регулирования порядка возврата неправомерно (ошибочно) предоставленного имущественного налогового вычета:

не исключают возможность взыскания с налогоплательщика денежных средств, полученных им вследствие неправомерно (ошибочно) предоставленного по решению налогового органа имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц, в порядке возврата неосновательного обогащения в случае, если эта мера оказывается единственно возможным способом защиты фискальных интересов государства;

предполагают, что соответствующее требование может быть заявлено — в случае, ес-

ли предоставление имущественного налогового вычета было обусловлено ошибкой самого налогового органа, — в течение трёх лет с момента принятия ошибочного решения о предоставлении имущественного налогового вычета; если же предоставление имущественного налогового вычета было обусловлено противоправными действиями налогоплательщика, то налоговый орган вправе обратиться в суд с соответствующим требованием в течение трёх лет с момента, когда он узнал или должен был узнать об отсутствии оснований для предоставления налогоплательщику имущественного налогового вычета;

исключают применение в отношении налогоплательщика, с которого взысканы денежные средства, полученные им вследствие неправомерно (ошибочно) предоставленного имущественного налогового вычета, иных правовых последствий, если только такое неосновательное обогащение не явилось следствием противоправных действий самого налогоплательщика, и не иначе как в рамках системы мер государственного принуждения, предусмотренных законодательством о налогах и сборах.

2) С учётом правовой позиции Конституционного Суда РФ по настоящему делу, федеральный законодатель правомочен внести в действующее налоговое регулирование изменения, направленные на урегулирование оснований, порядка и сроков взыскания с налогоплательщика соответствующих денежных средств.

3) Правоприменительные решения, вынесенные в отношении граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапанова на основании статей 32, 48, 69, 70 и 101 Налогового кодекса РФ, а также пункта 3 статьи 2 и статьи 1102 ГК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, в части гарантий при взыскании денежных средств, полученных (сбережённых) в связи с предоставлением имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Конституционное требование формальной определённости налоговых норм обращено как к установлению налогов, сборов, так и к регулированию связанных с реализацией налогообложения кон-

трольных и юрисдикционных процедур, в том числе предполагающих принудительное взыскание образовавшейся налоговой задолженности.

Исходя из соображений эффективности и целесообразности, пункт 5 статьи 220 Налогового кодекса РФ устанавливает, что имущественный налоговый вычет по налогу на доходы физических лиц не предоставляется в части расходов налогоплательщика на новое строительство либо приобретение на территории Российской Федерации жилого дома, квартиры, комнаты или доли (долей) в них, покрываемых, в частности, за счёт выплат, предоставленных из средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Под это исключение попадают, помимо прочих, и те расходы, которые оплачены налогоплательщиком за счёт средств, полученных в виде государственной социальной поддержки на основе участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих.

То обстоятельство, что налогоплательщик мог добросовестно заблуждаться относительно законности основания получения имущественного налогового вычета, а налоговый орган по тем или иным причинам не опроверг правомерность заявленных им требований, не может служить основанием для невозврата задолженности перед бюджетной системой, образовавшейся в результате неправомерного предоставления налогоплательщику имущественного налогового вычета. В то же время налогоплательщики, действующие добросовестно, не могут быть поставлены в ситуацию правовой неопределённости в силу возможности предъявления в любой момент требований о возврате неправомерно полученного ими имущественного налогового вычета независимо от срока, прошедшего с момента решения вопроса о его предоставлении.

Реализация налогоплательщиком права на получение налогового вычета основывается на принятии официального акта налогового органа, основанного на представленных налогоплательщиком документах. При таких обстоятельствах выявленное занижение налоговой базы по указанному налогу вследствие неправомерно (ошибочно) предоставленного налогового вычета не может быть квалифицировано как налоговая недоимка, влекущая взыскание с налогоплательщика пени,

поскольку конкретный размер обязанности по уплате налога, с учётом заявленного налогового вычета, определяется налоговым органом и именно в этом размере налоговая обязанность подлежит исполнению налогоплательщиком в установленный срок.

При этом бремя несения дополнительных издержек, обусловленных исключительно упущениями или ошибками, допущенными налоговыми органами при принятии решений в отношении правильности исчисления и уплаты, зачёта и возврата налогов и сборов, в силу статей 2, 17 (часть 3), 18, 19 (часть 1), 55 (часть 3) и 57 Конституции РФ не может быть возложено на налогоплательщиков — физических лиц, учитывая, что они не участвуют в процессе исчисления и уплаты налогов напрямую и не могут быть связаны требованиями правовой осведомлённости и компетентности в налоговой сфере в той же степени, что и налогоплательщики — организации, а также физические лица, имеющие статус индивидуального предпринимателя.

С учётом необходимости соблюдения досудебного порядка реагирования на обнаруженное нарушение (преодоления (отмены) решения налогового органа, предоставившего налоговый вычет), стандартные процедуры, предусмотренные Налоговым кодексом, не обеспечивают необходимой и достаточной возможности правомерного возврата в бюджет соответствующей налоговой задолженности: решение вопроса о предоставлении имущественного налогового вычета носит массовый характер, что усложняет выявление ошибок, а срок, установленный для обращения налоговых органов в суд с целью принудительного взыскания недоимки, составляет всего шесть месяцев.

В силу изложенного, судебные органы исходят из того, что в случае выявления неправомерно (ошибочно) предоставленного налогового вычета налоговый орган не может быть связан необходимостью соблюдения досудебного порядка урегулирования налогового спора и взыскания соответствующих денежных средств в порядке налоговой недоимки. Тем самым они вынужденно, в целях преодоления отмеченных дефектов действующего законодательства о налогах и сборах допускают использование налоговыми органами для обеспечения взыскания соответствующих денежных средств предусмотренного

ГК РФ института неосновательного обогащения (глава 6).

Данный гражданско-правовой институт призван обеспечить защиту имущественных прав участников гражданского оборота, но действующее правовое регулирование не исключает использование института неосновательного обогащения за пределами гражданско-правовой сферы и обеспечение с его помощью баланса публичных и частных интересов, отвечающего конституционным требованиям.

Отказ от взыскания полученной налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, мотивированный исключительно отсутствием установленной законом процедуры, приводил бы к последствиям, несовместимым с требованиями Конституции РФ, её статьи 35 во взаимосвязи со статьями 17 (части 1 и 3) и 55 (часть 3), и общими принципами права, в силу которых конституционные гарантии права собственности предоставляются в отношении того имущества, которое принадлежит субъектам прав собственности и приобретено ими на законных основаниях, а также являлся бы недопустимым отступлением от обусловленного взаимосвязанными положениями статей 19 (части 1 и 2) и 57 Конституции РФ требования равенства налогообложения, порождая ничем не обоснованные преимущества для одних налогоплательщиков, которым имущественный налоговый вычет был предоставлен необоснованно, в соотношении со всеми иными налогоплательщиками, притом что никто из них правом на получение имущественного налогового вычета не наделён.

При решении вопросов, связанных с взысканием неправомерно предоставленных налогоплательщикам имущественных налоговых вычетов в качестве неосновательного обогащения, суды исходят из того, что соответствующие требования налоговых органов подлежат рассмотрению с учётом установленного ГК РФ общего срока исковой давности, который составляет три года и исчисляется со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите данного права (статьи 196 и 200). Однако момент, когда налоговый орган считается осведомленным о нарушении имущественных

интересов государства, не определён действующим налоговым законодательством. Ввиду этих обстоятельств в судебной практике допускается возможность взыскания соответствующих денежных средств в течение всего периода предоставления имущественного налогового вычета, остаток которого в силу пункта 9 статьи 220 Налогового кодекса РФ может быть перенесён — при невозможности использования полностью в данном налоговом периоде — на последующие налоговые периоды вплоть до полного использования без какого-либо ограничения по сроку. Между тем при применении общих правил исчисления срока исковой давности к соответствующему требованию налогового органа, заявленному в порядке главы 60 ГК РФ, следует учитывать специфику соответствующих публично-правовых отношений и недопустимость возложения на налогоплательщика, добросовестное поведение которого не подвергается сомнению, чрезмерного бремени негативных последствий ошибки со стороны налогового органа. Иное ставило бы налогоплательщика в ситуацию правовой неопределённости. Соответственно, в случае, если предоставление имущественного налогового вычета было обусловлено ошибкой самого налогового органа, такое требование может быть им заявлено, если законом не установлено иное, в течение трёх лет с момента принятия ошибочного решения о предоставлении имущественного налогового вычета (в случае, если предоставление суммы вычета производилось в течение нескольких налоговых периодов, — с момента принятия первого решения о предоставлении вычета). Если же предоставление имущественного налогового вычета было обусловлено противоправными действиями налогоплательщика (представление подложных документов и т. п.), то налоговый орган вправе обратиться в суд с соответствующим требованием в течение трех лет с момента, когда он узнал или должен был узнать об отсутствии оснований для предоставления налогоплательщику имущественного налогового вычета.

Акты международного права, использованные в Постановлении: постановление Европейского Суда по правам человека от 15 сентября 2009 года по делу «Москаль (Moskal) против Польши».

Постановление от 28 марта 2017 года № 10-П по делу о проверке конституционности части 4.1 статьи 63 Градостроительного кодекса Российской Федерации и статьи 23 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201703310006; дата опубликования: 31.03.2017)

Правовые категории в Постановлении: род федерального значения; принцип разделения властей; градостроительная деятельность; правила землепользования и застройки; предмет совместного ведения Российской Федерации и её субъектов; нормотворческие полномочия.

Заявитель: Законодательное Собрание Санкт-Петербурга (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 4.1 статьи 63 Градостроительного кодекса РФ как закрепляющая полномочие по утверждению нормативными правовыми актами правил землепользования и застройки субъектов Российской Федерации — городов федерального значения за высшими исполнительными органами государственной власти этих субъектов Российской Федерации;

статья 23 Федерального закона от 14 октября 2014 года № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» — с точки зрения её соответствия Конституции РФ по порядку принятия Государственной Думой.

Позиция заявителя: федеральный законодатель, осуществляя правовое регулирование по предметам совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, не вправе относить конкретное полномочие к компетенции органа определённой ветви государственной власти, а следовательно, лишение города федерального значения Санкт-Петербурга

полномочия самостоятельно определять, какой именно его орган — законодательный или исполнительный — может утверждать правила землепользования и застройки, ограничивает полномочия субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, что противоречит статьям 72 (пункты «д», «к», «н» части 1), 76 и 77 (часть 1) Конституции РФ;

возложение подготовки и утверждения правил землепользования и застройки на органы исполнительной власти городов федерального значения, которые одновременно осуществляют правоприменение и контроль за выполнением соответствующего нормативного правового акта, приводит к сосредоточению различных функций в одном органе власти, что повышает риск возникновения злоупотреблений, особенно в области сохранения памятников истории и культуры, а предоставление указанным органам необоснованного приоритета при принятии правил землепользования и застройки исключает работу депутатов с населением, парламентские дискуссии и обсуждения, снижает эффективность механизма сдержек и противовесов; тем самым нарушаются принципы демократического правового государства, вытекающие из статьи 1 (часть 1) Конституции РФ, в том числе закрепленный в её статье 10 принцип осуществления государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную;

возложение полномочия по утверждению правил землепользования и застройки в городе федерального значения на его высший исполнительный орган государственной власти — в то время как во всех остальных субъектах Российской Федерации данное полномочие принадлежит органам местного самоуправления, осуществляющим представи-

тельные, а не исполнительно-распорядительные функции (часть 1 статьи 32 Градостроительного кодекса РФ), — не будучи обусловлено необходимостью сохранения единства городского хозяйства, равно как и иными объективными особенностями городов федерального значения как субъектов Российской Федерации, противоречит принципу равноправия субъектов Российской Федерации, установленному статьей 5 (части 1 и 4) Конституции РФ и конкретизированному в её статьях 72 (часть 2) и 76 (часть 4);

в нарушение Регламента Государственной Думы (статьи 109, 118 и 119) и Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (статья 26.4) законопроект № 310190-6, ставший затем Федеральным законом от 14 октября 2014 года № 307-ФЗ, хотя и направлялся в субъекты Российской Федерации как до, так и после его принятия в первом чтении, однако статья 23 была включена в него только во втором чтении; дополненный текст законопроекта после его принятия во втором чтении для представления в Государственную Думу отзывов законодательных (представительных) и высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации не направлялся. В результате органы власти Санкт-Петербурга были лишены возможности выразить своё отношение к оспариваемому регулированию, принятому по предмету совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, в рамках установленных согласительных процедур, что противоречит Конституции РФ, её статьям 104–108.

Итоговый вывод решения: 1. Признать часть 41 статьи 63 Градостроительного кодекса РФ не противоречащей Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не препятствует законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов Российской Федерации — городов федерального значения при осуществлении законодательного регулирования градостроительной деятельности в пределах своей компетенции в системе разделения властей на уровне субъекта Российской Федерации и в пределах компетенции

субъекта Российской Федерации устанавливать нормы, влияющие на содержание правил землепользования и застройки, в том числе обязывающие вносить в данные правила изменения и дополнения.

2. Конституционный Суд РФ не находит оснований для признания статьи 23 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» не соответствующей Конституции РФ по порядку принятия.

Мотивы решения. 1) Федеральный закон как нормативный правовой акт общего действия, регулирующий те или иные вопросы (предметы) совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, призван определять права и обязанности участников правоотношений, в том числе полномочия органов государственной власти, и тем самым разграничивать их полномочия на основе принципа разделения властей, закреплённого статьёй 10 Конституции РФ и распространяющегося на осуществление государственной власти в Российской Федерации как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Вместе с тем федеральный законодатель вправе путём принятия на основании статьи 76 (часть 2) Конституции РФ федерального закона избирать наиболее действенные механизмы осуществления полномочий органами государственной власти и должностными лицами, в отношении которых соответствующий порядок прямо не предусмотрен в Конституции РФ, соблюдая при этом её принципы и нормы и обеспечивая сбалансированное сочетание полномочий и интересов Российской Федерации и её субъектов. При этом федеральный законодатель вправе устанавливать принадлежность отдельных полномочий органам законодательной (представительной) либо исполнительной власти, что не исключает нормотворческие полномочия органов исполнительной власти не только федерального, но и регионального уровня.

Учитывая изложенное, а также особенности территориального устройства городов федерального значения, возложение федеральным законодателем утверждения правил землепользования и застройки в городах федерального значения на исполнительный орган государственной власти городов федерального значения при условии сохранения за законодательными (представительными) органами государственной власти правомочия по изданию законов в сфере градостроительной деятельности в порядке конкретизации положений Градостроительного кодекса РФ, не может считаться недопустимым с точки зрения установленных Конституцией РФ разделения государственной власти на законодательную и исполнительную, а также разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти её субъектов.

2) Конституционное равноправие субъектов Российской Федерации, обуславливающее необходимость соблюдения баланса интересов и внедрения общефедеральных стандартов во всех сферах жизнедеятельности субъектов Российской Федерации, не исключает возможность определённых особенностей их правового статуса, связанных с факторами исторического, национального, территориального и иного характера, что позволяет федеральному законодателю в рамках предоставленной ему дискреции устанавливать различный порядок утверждения тех или иных нормативных актов в отдельных субъектах Российской Федерации. Согласно положениям статьи 79 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», перечень вопросов местного значения, источники доходов местных бюджетов внутригородских муниципальных образований городов федерального значения определяются законами данных субъектов Российской Федерации исходя из необходимости сохранения единства городского хозяйства.

Исходя из указанной специфики правового статуса городов федерального значения, возможность в соответствии с федеральными законодательными актами осуществления ряда полномочий в области градостроительной деятельности органами государственной

власти городов федерального значения, а не органами местного самоуправления внутригородских муниципальных образований, не противоречит принципам организации местного самоуправления в данных субъектах Российской Федерации. Данный вывод также касается особенностей принадлежности полномочия по утверждению правил землепользования и застройки, в исключение из общего порядка их разработки, принятия и утверждения на уровне муниципальных образований, в субъектах Российской Федерации — городах федерального значения.

3) Утверждение правил землепользования и застройки является важным фактором, определяющим возможность и условия привлечения инвестиций в капитальные вложения для ведения на конкретных городских территориях строительной и другой экономической деятельности. С учётом природы городов федерального значения как центров социально-экономического и культурного развития федеральные органы государственной власти особо заинтересованы в том, чтобы в данных субъектах Российской Федерации для этого были созданы все условия.

В связи с этим при введении нового правового регулирования порядка утверждения правил землепользования и застройки в городах федерального значения федеральный законодатель, принимая во внимание указанные конституционно значимые цели, влияющие на градостроительную деятельность на территории данных субъектов Российской Федерации, не мог не учитывать в том числе опыт их собственного правового регулирования в сфере градостроительной деятельности.

Таким образом, возложение на высшие исполнительные органы государственной власти городов федерального значения полномочий по утверждению правил землепользования и застройки, которые по своей правовой природе и содержанию в большей мере относятся к нормативным актам исполнительно-распорядительного характера, не может рассматриваться как нарушающее принцип разделения властей на уровне субъектов Российской Федерации и как несоразмерное вторжение федерального законодателя в их компетенцию — при условии сохранения права законодательных органов государственной власти городов федерального значения ока-

зывать регулирующее воздействие на само содержание правил землепользования и застройки посредством издания собственных нормативных актов. В настоящем деле данное условие соблюдено.

4) Федеральный закон от 14 октября 2014 года № 307-ФЗ, как вносящий изменения в федеральные законы, регулирующие предметы совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, должен был приниматься Государственной Думой в надлежащей процедуре.

Вместе с тем для оценки федерального закона на предмет соответствия Конституции РФ по порядку принятия принципиальное значение имеет нарушение тех процедурных правил, которые оказывают определяющее влияние на принятие решения, то есть основаны непосредственно на предписаниях её статей 104—108 либо закрепляют такие существенные условия порядка принятия федеральных законов, без соблюдения которых невозможно с достоверностью установить, отражает ли принятое решение действительную волю законодателя.

Упомянутый выше текст законопроекта, принятый в первом чтении, в процедуре внесения в него поправок был дополнен новой статьёй, не объединённой с ним единой целью и при этом регулирующей вопросы, относя-

щиеся к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов, что предполагает направление соответствующего законопроекта в субъекты Российской Федерации для согласования законодательных инициатив, затрагивающих их интересы, в контексте принципа равноправия субъектов Федерации (статья 5, части 1 и 4, Конституции РФ).

Следовательно, в данном случае имело место некоторое отступление от установленных Регламентом Государственной Думы правил принятия федеральных законов. Такое отступление — с точки зрения требований, непосредственно предусмотренных Конституцией РФ, — не оказало определяющего влияния на принятие депутатами Государственной Думы и одобрение членами Совета Федерации решения, которое отражает действительную волю Федерального Собрания. Также следует иметь в виду, что Федеральный закон от 14 октября 2014 года № 307-ФЗ за время своего действия в правовом пространстве Российской Федерации уже оказал регулирующее влияние на систему соответствующих правоотношений.

При таких обстоятельствах основания для признания статьи 23 Федерального закона от 14 октября 2014 года № 307-ФЗ не соответствующей Конституции РФ по порядку принятия отсутствуют.

АПРЕЛЬ • 2017

Постановление от 13 апреля 2017 года № 11-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201704180005; дата опубликования: 18.04.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: политическая партия; одномандатный округ; Государственная Дума; выборы; пассивное избирательное право.

Заявители: граждане И. Л. Трунов и М. В. Юревич (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 2 статьи 40 и часть 10 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» постольку, поскольку они служат основанием для принятия Центральной избирательной комиссией РФ решения об отказе в заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутых политиче-

ской партией по одномандатным избирательным округам, в случаях, когда в некоторых одномандатных избирательных округах оказались выдвинутыми более одного кандидата; часть 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и часть 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос о наличии права на судебное оспаривание отказа Центральной избирательной комиссии РФ в заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, у отдельных кандидатов, включённых в данный список.

Позиция заявителей: оспариваемые положения позволяют Центральной избирательной комиссии РФ отказывать политической партии в заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам, если из представленных политической партией документов следует, что в некоторых одномандатных избирательных округах оказались выдвинутыми более одного кандидата, вместо того чтобы до заверения соответствующего списка исключить из него кандидатов, в отношении которых было допущено такое нарушение, а также препятствуют отдельным кандидатам, включённым в список кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, в самостоятельном судебном оспаривании постановления Центральной избирательной комиссии РФ об отказе в заверении соответствующего списка.

Итоговый вывод решения: 1. Признать часть 2 статьи 40 и часть 10 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» не соответствующими Конституции РФ, её статьям 18, 19 (части 1 и 2), 32 (часть 2), 55 (часть 3) и 97 (часть 1), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования содержащиеся в них положения позволяют Центральной избирательной комиссии РФ отказывать в заверении списка кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, если представленные

для заверения этого списка документы содержат сведения о выдвижении в некоторых одномандатных избирательных округах более одного кандидата, в случае, когда решения о выдвижении кандидатов по другим одномандатным избирательным округам приняты политической партией в рамках установленных правил выдвижения и позволяяют достоверно определить поименный состав кандидатов и их распределение по соответствующим одномандатным избирательным округам.

2. Признать часть 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и часть 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в них положения не препятствуют кандидату, выдвинутому политической партией по одномандатному избирательному округу, участвовать в качестве заинтересованного лица в возбужденном по административному исковому заявлению политической партии деле об оспаривании решения Центральной избирательной комиссии РФ об отказе в заверении списка кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, и не исключают возможность самостоятельного судебного оспаривания им указанного решения в части, непосредственно затрагивающей его пассивное избирательное право. Конституционно-правовой смысл указанных законоположений, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции РФ и с учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления. Впредь до внесения в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, Центральная избирательная комиссия РФ при заверении выдвинутого политической партией списка кандидатов в депутаты Государственной Думы по

одномандатным избирательным округам, а Верховный Суд РФ — при оспаривании отказа в заверении такого списка обязаны руководствоваться правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом РФ в настоящем Постановлении.

4. Признание части 2 статьи 40 и части 10 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» не соответствующими Конституции РФ, а части 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства РФ — не противоречащими Конституции РФ в их конституционно-правовом смысле, выявленном в настоящем Постановлении, не затрагивает результаты выборов в Государственную Думу седьмого созыва, состоявшихся 18 сентября 2016 года, и не может служить основанием для их пересмотра. Этим для заявителей по настоящему делу не исключается возможность использовать для защиты своих прав компенсаторные механизмы, предусмотренные действующим законодательством, в соответствии со статьёй 53 Конституции РФ, гарантирующей каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Мотивы решения. Право быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (пассивное избирательное право) является по своей юридической природе не коллективным, а индивидуальным правом, принадлежащим каждому гражданину в отдельности. При этом именно политические партии служат необходимым институтом представительной демократии, во многом обеспечивающим участие граждан в политической жизни страны, что предопределяет их легитимацию в качестве избирательных объединений, наделённых правом выдвижения кандидатов (списков кандидатов) при проведении любых избирательных кампаний, в том числе выборов депутатов Государственной Думы.

Применительно к электорально-правовому статусу политической партии как избирательного объединения это предполагает соблюдение конституционных гарантий пра-

ва на свободные выборы, включая пассивное избирательное право, и права на свободу объединений, что, в свою очередь, требует наличия надлежащих юридических процедур реализации политической партией возможности самостоятельного выдвижения кандидатов и формирования их списков.

Из положений действующего законодательства вытекает, что выборы депутатов Государственной Думы проводятся по смешанной (мажоритарно-пропорциональной) избирательной системе, то есть граждане Российской Федерации, обладающие пассивным избирательным правом, могут реализовать его как через выдвижение политическими партиями федеральных списков кандидатов, так и путём непосредственного выдвижения своей кандидатуры в одномандатном избирательном округе.

Порядок выдвижения кандидатов по одномандатным избирательным округам политической партией установлен статьёй 40 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», предусматривающей, что в одном одномандатном избирательном округе партия вправе выдвинуть только одного кандидата. Выдвинутый политической партией список кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам подлежит представлению в Центральную избирательную комиссию РФ с соблюдением требований, установленных статьёй 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Центральная избирательная комиссия РФ обязана в течение семи дней рассмотреть представленные политической партией документы и по результатам их рассмотрения заверить список кандидатов по одномандатным избирательным округам и выдать уполномоченному представителю политической партии копию заверенного списка или отказать в заверении списка с принятием об этом мотивированного решения.

Несоблюдение требований о представлении каждым включённым в список кандидатов заявления о согласии баллотироваться по одномандатному избирательному округу, содержащего сведения в соответствии с перечнем, установленным законом, а также несоблюдение требования о запрете включения

одного и того же гражданина более чем в один список кандидатов по одномандатным избирательным округам, влечёт за собой лишь исключение соответствующего кандидата из списка кандидатов по одномандатным избирательным округам до его заверения Центральной избирательной комиссией РФ.

Выдвижение политической партией на федеральных парламентских выборах в одном или нескольких одномандатных избирательных округах более одного кандидата, безусловно, требует устранения этого нарушения, но вовсе не означает, что единственным и безальтернативным вариантом исправления сложившейся вследствие такого нарушения ситуации может быть лишь полный отказ в заверении соответствующего списка кандидатов, в результате которого отстранёнными от участия в выборах оказываются все включённые в него граждане, в том числе и те, которые были выдвинуты политической партией без каких-либо отступлений от предусмотренных избирательным законодательством правил.

Отказ Центральной избирательной комиссии РФ в заверении выдвинутого политической партией на выборах депутатов Государственной Думы списка кандидатов по одномандатным избирательным округам на том основании, что согласно представленному списку в некоторых из таких округов было выдвинуто более одного кандидата, не обеспечивает дифференцированного реагирования на различные — как по характеру, так и по масштабам — нарушения установленного порядка выдвижения политической партией кандидатов по одномандатным избирательным округам и расходится с конституционно значимыми принципами соразмерности и пропорциональности, порождает избыточные препятствия в реализации избирательных прав граждан и неоправданно ограничивает электоральную конкуренцию политических партий.

Основанный на предписаниях статей 2, 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 32 (часть 2) и 46 (части 1 и 2) Конституции РФ порядок судебной защиты нарушенных избирательных прав призван гарантировать охрану как активного, так и пассивного избирательного права, а также ответственность избиратель-

ных комиссий за неправомерные действия и решения, препятствующие свободному участию граждан в выборах, а суды обязаны использовать действенные способы и формы защиты нарушенных избирательных прав.

Право обжаловать в суде отказ Центральной избирательной комиссии РФ в заверении выдвинутого политической партией списка кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам предоставлено только политической партии, выдвинувшей соответствующий список кандидатов. Подобное регулирование обусловлено тем, что это решение распространяется на всю политическую партию, на всех без исключения выдвинутых ею кандидатов. При этом отдельные кандидаты не лишены возможности выступить в соответствующем судебном процессе в качестве заинтересованных лиц.

Кроме того, в части 11 статьи 42 названного Федерального закона, дополнительно оговаривается, что отдельные кандидаты, исключённые из данного списка до его заверения, также обладают правом самостоятельно оспорить своё исключение в суде.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Всеобщая декларация прав человека 1948 года; Международный пакт о гражданских и политических правах; Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств; Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (статья 3 Протокола № 1); Руководящие принципы относительно выборов (Венецианская комиссия, 2002 год); постановления Европейского Суда по правам человека от 2 марта 1987 года по делу «Матье-Моэн (Mathieu-Mohin) и Клерфайт (Clerfayt) против Бельгии», от 1 июля 1997 года по делу «Гитонас (Gitonas) и другие против Греции», от 6 апреля 2000 года по делу «Лабита (Labita) против Италии», от 19 июля 2007 года по делу «Краснов и Скуратов против России».

Обзор подготовили: Тимофей Виноградов, Елизавета Манжосова. Редактор: Лев Иванов.